

18+

Александр Петров

АКТИРОВАННЫЕ ДНИ

Александр Петров
Активированные дни

«Издательские решения»

Петров А. А.

Активированные дни / А. А. Петров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-623514-4

В сборник помещены коротенькие рассказы — воспоминания о послелагерной Колыме и её людях. Небольшие сюжеты воспринимаются легко и вызывают интерес и ностальгию у всех, кому удалось познакомиться с ними...

ISBN 978-5-00-623514-4

© Петров А. А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Мороз	7
Лесок	8
Сбежали	9
Родное слово	10
Первая форма	11
Прогресс	13
Кохтур	15
Офицерский ремень	18
Пятая точка	21
Библия	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Активированные дни

Александр Анатольевич Петров

© Александр Анатольевич Петров, 2024

ISBN 978-5-0062-3514-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Что такое «активированные дни» – знает каждый северянин. И книга рассказывает не только об этом, но и о той атмосфере, в которой проходило детство в маленьком посёлке на Колымской трассе. Ни морозы зимой, ни комары летом никак не отражались на нашем счастливом детстве, о чём сегодня вспоминается с грустью от невозможности вернуться в места, где прошли самые яркие, запоминающиеся дни жизни. Теперь уже нет тех колымских посёлков, и их жители давно разъехались по многим городам России и другим странам, но детские воспоминания не уходят. Это и сподвигло меня взяться за перо и хоть как-то зафиксировать то, что осталось в памяти, чтобы вновь вернуться в родные места, хотя бы мысленно.

Каждый рассказ биографичен. Конечно, не все приведённые имена и фамилии точны, время, возможно, немного исказило то или иное событие. И хотя каждый рассказ имеет независимый от другого сюжет, они вписываются в единую общую канву, позволяющую погрузиться в атмосферу Колымы 1960—70 годов. Что из этого получилось – судить моим читателям...

Мороз

Выхожу зимой на улицу и ощущаю, что сегодня стало холоднее, чем вчера. Зима. Мороз. Пройдя метров сто, чувствую, что лицо начинает подмораживать и ускоряю шаг.

Сразу приходят воспоминания из северного детства. Ведь когда-то я мечтал жить там, где зимой сорок градусов...

А сейчас иду при тридцати – да разве это холод?! И мне тут же становится теплее, и уже начинаю не ощущать мороза. Воспоминания же не отступают. На ум приходит понятие «активированные дни», – их в детстве мы ждали как праздника. Утром, собираясь в школу, включив погромче местное радио, с надеждой вслушивались в каждое слово диктора, объявляющего температуру воздуха по населенным пунктам Сусуманского района. Звучало же каждый день одно и то же: «Температура – минус сорок девять». Хотя мы знали, что о погоде на завтра нам скажут послезавтра, и надеялись – а вдруг объявят активированные дни ввиду понижения температуры до 50—60 градусов мороза?! Градусник же за окном был не виден из-за густого тумана и толстого льда на стеклах окна. Да если бы и был виден – то показывал бы только то, что спирт в нём ненастоящий и давно замёрз на отметке в 45.

Иногда объявляли 55 или 60, хотя на улице ничего не менялось, – было также холодно, как и в прошлые дни. И наступал праздник «активированный день» – в школу можно не ходить. Проводив родителей на работу и почитав книгу до тех пор, пока не стало светать, в 11 часов, я начинал собираться на улицу. Чтобы не навязывать шарф, – надевал свитер с толстой завернутой вдвое горловиной, поверх двойных трико и брюк, – надевались штаны с начесом, штанины, зауженные внизу резинками, натягивались поверх валенок, чтобы при ходьбе по глубокому снегу он не проникал вовнутрь. На руках – меховые, с подворотами, рукавицы. Утром лучше не умываться – чтобы не обморозить щеки...

Мы шли кататься с горки, она была прямо под окнами дома. Потом брели куда-нибудь греться: в клуб или в домик автобусной остановки на трассе.

Став постарше, в 11—12 лет, мы шли в наш скудный лесок, – лиственницу в нём когда-то вырубали для укладки брёвнами Колымской трассы, потом – для заготовки чурок, используемых в годы войны автомобилями вместо жидкого топлива.

Молодые редкие лиственницы стояли невысокими снежными пирамидками. Снег же был глубоким, почти метровым.

Скрип снега и шелест замерзающего от дыхания воздуха погружали нас в то белое безмолвие, которое описывал Джек Лондон на соседней с нами Аляске. Среди этого безмолвия у нас была построена снежная крепость, внутри которой мы разжигали костер и сидели, грелись у него.

Возвращаясь, по глубокому снегу, в темноте, после 14 часов дня, мы были покрыты не куржаком, а снежной коркой, ресницы слипались от инея, из носа периодически приходилось выковыривать лёд...

Когда же зимой, после несколькихнедельного 50—60 градусного мороза становилось сорок, и густой туман рассеивался, – поселок оживал. Люди, уставшие от мороза, выходили на улицу – гуляли, дышали свежим воздухом. Повышение температуры обычно сопровождалось небольшим снегопадом, – на улице становилось ярко и чисто... Тогда и приходили мне в голову мысли, что где-то живут люди и зимой там всего 40 градусов, и они, наверное, никогда не мёрзнут...

Лесок

Дом, где я жил с родителями был крайним. Напротив него был детский сад, а дальше начальная школа, переоборудованные из бараков, доставшихся поселку в наследство от лагерного пункта. Наш же дом стоял у самой Колымской трассы. А уже за ним и за заборами детского сада и школы начинался лесок.

Он был небольшим, наверное, метров 300—400 в длину, и там за ним, в отдалении, одиноко стояла казарма, одно из немногих каменных зданий поселка, тоже оставшееся от лагерного пункта и приспособленное под мужское общежитие.

Сегодня расстояние от школы до казармы я вряд ли назвал бы лесом. Тогда же, – в дошкольном детстве, этот пустырь со стихийно выросшими маленькими лиственницами казался настоящей тайгой. И мы каждый день бывали там. Уже весной, как только сошел снег, мы приходили в этот крохотный лесок искать ягоду. Голубика, оставшаяся с осени, теперь на голых кустиках голубичника, была хорошо заметна. Время и злые морозы превратили крупные ягодки в засохшие обезвоженные шкурки... Но взяв одновременно в руку несколько таких ягод, можно ощутить их сладкий вкус. И мы, разжевывая эти сморщенные комочки, радовались наступающей весне и долгожданному теплу...

В середине июня начинала распускаться лиственница. Пушистые ее веточки с яркими зелеными иголками – дарили нам первые витамины наступившего года. Сняв рукой полную горсть этих иголок, мы жевали их, ощущая аромат дерева и кислый вяжущий непередаваемый вкус. Выплюывая жмых, набирали новую и новую порцию...

Потом, уже в июле в лесочке появлялась свежая голубика. Мы начинали её есть еще зеленой. Казалось, – нет ничего вкуснее этой кислой несозревшей ягоды. С каждым днем ягода становилась крупнее и синее, но интерес к ней постепенно пропадал...

В лесочке вдоль трассы тянулось небольшое озерцо-полуболотце. Привлекало оно нас тем, что в нём водились тритоны. Опустив в воду банку с хлебом или убитыми комарами, можно было поймать это крохотное существо полукрокодила-полудинозавра. Как удается выжить им в этом насквозь промерзающем зимою озере?

Даже в шахтных выработках, когда шахтеры находили вмерзших в ископаемый лед этих животных, тритоны оживали, стоило растаять льду. Сколько лет и веков, а может и тысячелетий, они находились в мерзлоте? Чьими ровесниками являются? Неизвестно...

В середине шестидесятых годов лесок начали застраивать. Улица, уходящая от детского сада до казармы-общежития, получила название «Комсомольская» и стала центральной улицей поселка.

С грустью смотрели мы на то, что наш лесок на глазах исчезает и больше никогда не придется пройти по знакомым тропинкам, где прошло самое раннее детство...

Хотя к этому времени мы уже редко стали ходить в этот выросший нас лесок. Уже хотелось осваивать другие пространства вокруг поселка...

На улицу Комсомольскую я вернулся через много лет. Поселка к этому времени уже давно не было. Почти ничего не осталось от фундаментов домов, всё заросло травой и кустарником.

Хотя нет. Кое-что всё-таки сохранилось. Лесок, который когда-то был уничтожен, – появился вновь. Он снова радует глаз своими маленькими лиственницами и кустиками голубики, с синеющими на солнце ягодами...

Сбежали

Когда мне было 5 лет, я и моя младшая сестра Галина решили сбежать из дому.

До этого мы гуляли на улице и, забравшись на завалинку, ходили вокруг дома, заглядывая в окна. Окна были не только нашими, но и соседскими, а завалинка была очень высокой.

Родители несколько раз грозили нам через окна, вначале пальцем, затем кулаком и ремнём, в конце концов, не выдержали и стали кричать, чтобы мы немедленно слезли и сейчас же вернулись домой, а также о том, что на улицу нас больше никогда не выпустят...

Мы, завершив круг, спустились с крыльца и решили из дома сбежать навсегда.

И мы пошли в наш лесок, но сколько бы не удалялись по тропинке, всё равно наш дом оставался в поле зрения и никак не закрывался маленькими деревьями. И вдруг в лесу мы обнаружили большую металлическую печь. Она была старой и ржавой, прочно вросшей в землю. Дверки у печи не было, и мы свободно проникли вовнутрь.

– Смотри – какой домик! – радовалась Галина, – Давай в этом домике жить как Мышка-Норушка и Лягушка-Квакушка...

В печи и правда было теплее, чем на улице, и даже если пойдет дождь, то он нас точно не вымочит...

– Теперь нас никто не найдёт! – рассуждала Галина, – Пусть теперь знают, как без нас жить...

Я же воспринимал побег как игру, и соглашался с Галиной. – Даже если придёт медведь, – говорил я ей, – то он не сможет сломать такой крепкий железный домик.

Галина же, время от времени выглядывала из печи, – она хотела увидеть бегающих вокруг дома родителей, узнавших, что мы убежали навсегда.

Через полчаса мне уже наскучило прятаться в этом укрытии. – Пойду, схожу домой, узнаю – ищут нас или нет?

– Ладно! – согласилась Галина, – Только быстро приходи назад.

Подойдя к дому, я снова забрался на завалинку и уже осторожно заглянул в окно. В доме было тепло и уютно. Мать напекла кучу блинов, и они с отцом сидели и ели эти вкусные мои любимые блины. Я вмиг забыл о Галине и о побеге. Войдя в дом, стал скорее раздеваться и мыть руки.

– Иди быстрее за стол, пока блины не остыли! – торопила меня мать, – Где та бродит? – спрашивала она про Галину, – Ну пусть ходит, блинов ей, наверное, не достанется!

Я не стал выдавать военную тайну. Но не успел я сесть за стол, как дверь отворилась и вошла Галина.

– Ах, вот он где, – этот Сашечкин! Я его в лесу ждала! – сказала она, чуть не плача... Она тут же от обиды рассказала, что мы убежали из дома насовсем, нашли там печку, в которой хотели жить. Но я её обманул, она бы не вернулась домой, но побоялась, что придёт медведь, который раньше сломал теремок и чуть не съел Мышку-Норушку и Лягушку—Квакушку...

Родители похвалили Галину, они сказали, что она поступила совершенно правильно, что не стала оставаться в лесу, где ночью бродят дикие и голодные звери...

После этого Галина больше не помышляла убежать из дома, и ходить по завалинкам тоже...

Родное слово

Моя мама, когда ещё и не была мамой, преподавала в лагерной школе посёлка Арэк. Отец, отработав год по распределению на шахте «Кадыкчанская», съездил и привёз её на Колыму. Жильё приобрести удалось на Арэке, где они и стали жить в маленьком домике.

Вскоре к домику подъехала «Эмка», прозванная народом «Чёрным вороном», из неё вышли двое в чёрных кожаных плащах, поверх военной формы и стали стучаться в двери...

– Нам сказали, что вы учитель, – сказал капитан, – и даже работали директором школы. Это просто удача, что вы приехали к нам. Поступило указание создать в лагере школу, а учителей нет!.. Чтобы вас не гонять в Сусуман, мы взяли для вас направление из райкома партии...

– Я же только математик! – говорила им мать, после неожиданного предложения, – Кто будет вести другие предметы?

– Русоведа мы возьмём из начальной школы почасовиком, а остальные предметы не так важны, думаю – вы справитесь! – ответил ей капитан, – Все хозяйственные вопросы вас не будут волновать. Главное – запустить учебный процесс...

Когда занятия начались, – эки пришли одетыми с иголки – все в новых бостоновых костюмах, туфлях, не видевших колымской грязи, с дорогими авторучками и даже с золотыми часами на руках... Им разрешили посещать школу в неуставной одежде, и они, накопившие за большой срок работы на Колыме приличные деньги, приобрели себе одежду по последней моде. Их разбили на две группы и занятия с каждой группой проводились по вечерам два раза в неделю...

В школе мать проработала три года. Занятия прервались только на две недели, – когда родился я...

Однажды во время занятий мать услышала знакомое забайкальское слово. – Да ты «ладом» её потряси! – говорил один зэк другому, когда у него перестала писать авторучка.

Это родное слово сразу вернуло мать в детство. «Откуда он?» – сразу засела мысль о заключённом. Фамилией заключённого была «Кузнецов» и ни о чём не говорила...

И вот после одного из занятий мать подошла к зэку.

– Откуда вы? – спросила она его.

– Сибиряк! – ответил он коротко.

– Сибирь большая. А откуда из Сибири?

– Из Читинской области! – ответил Кузнецов.

– А если точнее?

– А точнее – с Алек-Заводского района, из села Красноярово! – последовал ответ.

– Вот как! Я по одному только слову поняла, что вы земляк. Я тоже из Красноярово! Как же ты оказался здесь?

– С фронта возвращались, – рассказывал ей Кузнецов, – всю дорогу пили. А где пьянка – там и драка. С одним разругались, разодрались, за него вступился другой – здоровый бугай, ну я и всадил ему в брюхо трофейную немецкую финку. Из-за этой финки, наверное, и вклепили мне на полную катушку – 15 лет. Но скоро срок уже заканчивается – не знаю куда ехать. Красноярово, слышал, – расселили...

– Никто её не расселил! – ответила ему мать, – У меня там родители живут...

Потом мать навела справки об этом Кузнецове. Он ушел на фронт из Заречной Красноярово, которую, действительно, расселили. Сестра его теперь жила в другом селе Александрово-Заводского района. Брата они считали пропавшим без вести. Потом нам прислали адрес его родных, и мать передала его зэку Кузнецову...

Первая форма

Первой формой, которую мне пришлось носить, – была школьная форма. Мечты о ней начались еще в детском саду. Начальная школа располагалась напротив садика, в таком же бывшем бараке, оставшемся от лагерного пункта дальстроевского Берлага. Ученики ходили тогда в школьных форменных фуражках, гимнастёрках и ремнях. И когда я с матерью оказывался в магазине – то начинал клянчить, чтобы она купила мне такую фуражку, почти как военную. Но мать говорила: «Подожди, немного осталось. Пойдешь в школу и будешь носить эту форму, а сейчас нельзя, пока ты в детском саду».

Но именно перед моим поступлением в школу, старую форму отменили и ввели новую – простого покроя пиджачок из того же серого материала и брюки. Ремней и фуражек, о чем мы мечтали, к нашему огорчению, не стало.

К школе мать купила мне новую форму: пиджак, пару белых рубашек и двое брюк.

К 1 сентября в школу я не успел. Возвращаясь из отпуска с родителями, мы из-за нелётной погоды засели в Якутске и прожили там больше недели...

В 1 класс я пришел только 8 сентября. Мои друзья-одноклассники к этому времени уже освоились в школе. Они с воодушевлением поведали мне обо всех премудростях новой жизни. Первые уроки – «Письмо» ещё заключалось в рисовании палочек и крючочков карандашом. Ручки с чернилами нам ещё не доверяли. Уже чуть позже, когда стали писать ручками, первоклассников сразу можно стало выделить из общей массы учеников, – по испачканным чернилами рукам, лицу и форме. Занятия проходили в двух классных комнатах: на уроке мы сидели вместе с третьим классом, второй с четвёртым. Занятия в первый мой учебный день закончились быстро, не то, что пребывание в детском саду до самого вечера.

Я соскучился по пацанам и по своему поселку. Снега, на удивление, ещё не было. За забором школы был низкорослый лесок, где много голубики. И мы с друзьями через дырку в заборе пошли её есть.

Но радость моя была недолгой. Вскоре я за что-то зацепился – это была колючая проволока, которой в лесочке было полно. Я знал об этом, но длительное отсутствие в посёлке притупило бдительность. Неожиданно раздался треск, и на новых брюках образовалась большая дыра, в виде буквы Г. Уже безо всякого настроения я всё-таки поел ягоды и неспешно пошёл домой.

Войдя в квартиру, я стоял у порога, прикрывая портфелем дыру на брюках.

Мать сразу определила моё необычное поведение: «Разувайся, проходи! Что ты там стоишь? Что случилось?»

Я стоял и не знал, что ответить.

– Что ты там портфелем прикрываешь? – взяла у меня портфель из рук мать, – О! Разорвал штаны в первый же день! Где тебя чёрт носил?

– Да мы ягоду хотели поесть. А там зацепился за колючую проволоку...

– Дом-то далеко? Пришел бы переоделся и шёл бы в лес! Вот ходи теперь так – с порванной штаниной.

– У меня же ещё одни брюки есть! – сказал я.

– Те брюки не получишь! Завтра опять пойдешь по лесам, по болотам! Ходи теперь в таких штанах! Бери вон иголку – зашивай дыру! Я тебе зашивать не буду!..

Мать не шутила. Она взяла иголку, вдёрнула в неё нитку и протянула мне, – Зашивай сам!

Я шил, как умел. Это был мой первый опыт работы с иглой и ниткой. Работа была кропотливой и утомительной, с перерывом на обед.

– Во-во! – сказала мать, разглядывая мою работу, – Пусть над тобой теперь все смеются, над оборванцем.

Вечером, я расстроенный лег спать.

Утром, надевая брюки, я увидел, что дыра уже зашита по-другому. Видимо, мать вечером переделала шов и разгладила его утюгом...

В школе пацаны, знающие о моем вчерашнем казусе, – смотрели с сочувствием на мою штанину. Интересовались, о том, что мне было за это...

В рваных штанах я проходил с неделю. Потом мать всё-таки выдала мне новые запасные брюки. Но я их надел с неохотой, – лучше в зашитых ходить. А новые вдруг опять порвутся...

Прогресс

Как быстро развивается прогресс. Совсем недавно в диковинку были пейджеры – а сегодня о них уже никто и не помнит. Было время, когда за японский видеоманитофон отдавали автомобиль или однокомнатную квартиру и были неопишимо счастливы от удачной сделки.

А еще раньше!?

Помню, как в самом начале шестидесятых отец приобрел первый переносной магнитофон «Астра-2» (до этого выпускались только стационарные). Магнитофон этот можно было закрыть крышкой с боковыми замочками и взять с собой, например в отпуск. Для этого отец и купил его, ездил за ним колымской зимой в соседний посёлок...

Потом мы везли магнитофон «на материк» – отец записывал приветы одних родственников другим, включал в гостях музыку и удивлял всех такой новой необычной техникой.

Чуть позже наш сосед по двухквартирному дому Тойво Вяярайнен привез себе с «материка» по-настоящему переносной магнитофон «Романтик». Его уже можно было носить за ручку и слушать музыку. Это был первый магнитофон в посёлке, который можно было включить и ходить по улице...

От Тойво Анисимовича вообще исходило всё прогрессивное и удивительное для жителей нашего маленького колымского поселка. Вяярайнены были из города Таллина. Тойво называл себя российским финном. Его предок-плотник ещё царем Петром Первым, в числе других финнов, был привезён для работы на Ревельской судовой верфи. Российские финны, проживающие с той поры в Эстонии, сохранили свой язык и русским владели в совершенстве. Старший брат Тойво Анисимовича работал переводчиком в Таллинском морском порту. Он-то и присылал брату всякие заморские диковины и дефицитные вещи. В то время это были нейлоновые рубашки, водолазки, шариковые ручки...

Я во втором классе писал обычной чернильной ручкой как курица лапой. Однажды мать не вытерпела: «На, пиши этой ручкой!» – дала она мне подаренную шариковую ручку, когда я в очередной раз и также безуспешно переписывал с черновика домашнюю работу.

На следующий день в школу я явился с шариковой ручкой. Любовь Алексеевна Денисенко, наша учительница, увидев диковину, пошла за заведующей школой Надеждой Ивановной. Они вместе с удивлением рассматривали эту ручку, и пришли к общему решению, – что писать мне ею нельзя, так как ещё не выработан почерк и правильный нажим, который в то время был очень важен. И мне не разрешили писать шариковой ручкой... Но прогресс быстро пришел к нам в посёлок. Уже в четвертом классе шариковыми ручками стали писать практически все...

Как-то раз в посылке Вяярайненым прислали две упаковки жевательной резинки. О том, что такая существует, – в ту пору знал далеко не каждый.

Тойво Анисимович пришёл на работу в «нарядную» (так называли шахтерскую контору) со жвачкой во рту.

В конторе народу было немного, только немногочисленные ИТР, шахтёры уже ушли на работу.

Первым заметил жующего Тойво Анисимовича Анатолий Ашарин, председатель шахткома.

– Что это у тебя?

– ...!!!

– Дай попробовать!

Тойво Анисимович достал из стола упаковку, вынул оттуда пластинку, завернутую в фольгу, и протянул Ашарину. Тот счастливый пошёл из кабинета.

«Ну, всё! Сейчас потянутся! – подумал Тойво Анисимович, – На всех точно не хватит!»

И в самом деле, через несколько минут зашли две женщины из «ламповой», – Угостите нас Тойво Анисимович жевательной резинкой! Хоть попробовать, что это такое?!

Ну что же тут поделаешь? Тойво Анисимович достал из упаковки две пластинки и подал их женщинам. – Ну, попробуйте!

После их ухода он сидел обескураженным: «Теперь ведь точно работать не дадут...»

И вдруг... Взгляд его упал на очки, лежащие на шкафу с документами. Из самоспасателя шахтёрские очки в резиновой оправе имели белую резиновую тесьму, точь-в-точь такого же цвета и шириной как жевательная резинка.

Тойво Анисимович взял очки, снял эту тесьму и, протерев её влажной тряпкой, аккуратно нарезал по нужному размеру. И первый кусочек завернул в оставшуюся фольгу.

Новый посетитель не заставил себя долго ждать.

– Тут что-то вся контора жует какую-то резинку? Говорят – ты раздаёшь?! – вошел к нему Василий Степанович, сосед по кабинету.

– Да мне не жалко! Резинка – как резинка! – ответил ему Тойво Анисимович и нехотя полез в стол. Вытащив пластинку из фольги, он аккуратно отрезал половинку лезвием и подал её Василию Степановичу...

Потом заходили ещё и ещё кто-то. И Тойво Анисимович щедро наделил резинкой всех желающих.

К обеду к нему снова заглянул Василий Степанович.

– Сейчас заходил в «ламповую», – сказал он, – у женщин почему-то резинка тянется, а у меня нет?

– Она не сразу становится мягкой! – успокоил его Тойво Анисимович, – Подольше пожуй и у тебя будет тянуться! Как тебе она вообще?

– На вкус – очень приятная! – ответил Василий Степанович, – Но челюсти сильно устают. Как американцы её жуют целыми днями?

Только к концу смены Тойво Анисимович с Ашариным раскрыли рецепт изготовления жевательной резинки из подручного материала...

Кохтур

Откуда мать взяла это слово, я у неё так и не узнал. Позже пытался найти его в словарях и интернете, но нигде так и не обнаружил. Даже если бы это была чья-то фамилия – она тоже бы высветилась в интернете? Но нет этого слова нигде...

Возможно, я и не придумал бы этому слову значения, если бы оно периодически не применялось матерью по отношению ко мне.

Не сказать, что слово это было ругательным, скорее оно носило оттенок какого-то сожаления (ну что с него взять, с недотёпы?).

В раннем детстве, зимой, гуляя по территории детского садика (он был рядом с нашим домом и мы часто гуляли там в выходные дни), меня вдруг потянуло на эксперимент. Я знал, что язык обязательно примерзнет к металлу, если к нему притронуться зимой в мороз. «А если железо согреть?» – подумал я и стал своим дыханием дуть на металлический прут детсадовской карусели. На нём вначале появилась изморозь, потом посередине изморози появилось мокрое пятно. Раз мокрое, – значит тёплое, – подумал я и притронулся к этому месту языком, и язык... все равно примёрз!

Со слезами на глазах я вернулся домой. Говорить раненым языком было больно...

– Это что за Кохтур, большой ведь уже, а ума нет. Иди я тебе сейчас мазью намажу язык! – говорила, шутя мать, – Когда уже повзрослеешь?..

Весной сбылась моя очередная мечта – мать купила мне кирзовые сапоги. Я уже давно просил купить мне именно такие, а не резиновые девчоночьи.

Весна на Колыме наступает резко. До последнего зима не хочет сдаваться, стоят морозы, и вдруг в конце апреля в одночасье становится тепло и в несколько дней происходит бурное таяние снега, накопившегося за длинную зиму. По посёлку как горные речки бегут бурные ручьи, на ровных местах появляются большие грязные, от угольной пыли, лужи.

Тут-то я и вышел в своих новых кирзовых сапогах и сразу обнаружил, что ходить в них по еще местами не растаявшему снегу очень скользко. Попускав по ручьям кораблики, из всего, что может плавать, я пошёл к луже. «Интересно, какая у неё глубина? – подумал я, – В сапогах, наверное, точно можно перейти её вдоль и поперёк?!» Позабыв, про скользкие подошвы сапог, я смело шагнул в лужу и, сделав всего два шага по ледяному дну лужи, поскользнулся и упал на её середине.

– Это что ж такое? – ругала меня мать, – Все дети как дети, а этот Кохтур не успел выйти из дома, – уже весь уделался как поросёнок...

В нашем Колымском поселке было две невзгоды: мороз зимой и комары летом. Комаров было столько, что когда они садились тебе на спину, если ты был одет в чёрное (комары почему-то любят садиться на чёрное), их оказывалось столько, что твой пиджачок становился серым от сплошной комариной массы, как от роящихся пчёл...

Как-то к концу короткого лета мать мне и сестре пошила сетчатые шаровары. Где уж ей удалось раздобыть сетчатую ткань для накомарников – одному богу известно.

Надев на себя эти шаровары, я с важным видом вышел из дома. А тут как раз мой друг и сосед Коля Кучерявый бежал мне навстречу. Они с родителями вернулись из отпуска и несколько месяцев пребывания Коли на ридной Украине, напрочь отучили его от русской речи. Подбежав ко мне, Коля стал балакать со мной на, понятной только ему, мове. Я же стоял удивленным, считая, что он дурачится, но потом понял, что у него не получается говорить по-другому, и так уж случилось, что съездив к себе на родину, он вернулся оттуда хохлом.

Мы зашли на территорию детского садика – ходили там, катались на качелях. Коля рассказывал мне какие-то смешные истории и делился, как мог, впечатлениями от поездки. Потом мы поднялись на деревянную горку – сидели на ней и грелись последним теплом предосеннего солнца. И тут Вовка, Колин брат, из-за детсадовского забора стал звать его домой. Мы спрыгнули с горки вниз, и вскоре я заметил, что одна нога у меня оказалась голой, а сетчатая штанина аккуратно распоротой сверху донизу – по-видимому, за гвоздь зацепился, прыгнув с горки...

Как ругала меня мать за порванные шаровары – я не помню. Дня через два она прострочила на машинке вдоль разорванной штанины.

– На, Кохтур! – сказала она мне, подавая шаровары, – Иди, снова лезь по заборам, прыгай с крыш! Хорошо хоть прошлый раз ногу не распорол!..

В посёлке появился ларёк. Домик на полозьях притащил бульдозер из-за трассы, когда там закрыли шахту. К домику сделали завалинку, пристроили высокое крыльцо, внутри оборудовали прилавок.

Ассортимент продуктов в ларьке был невелик. Здесь продавали крупы, пряники, конфеты. Сюда же привозили хлеб и молоко из соседнего посёлка Арэка. Из окна нашего дома ларёк был хорошо виден. Как только машина отъезжала от ларька, мать отправляла меня туда за молоком. С бидончиком в руке и деньгами в другой, я стоял в очереди, где собиралось много народу, в маленьком помещении было душно и хотелось скорее на волю...

Был случай когда, получив 3 литра молока, я выскочил из ларька, запнулся о стоящую под углом металлическую рейку от навесного замка, и кубарем слетел с высокого крыльца, слегка поцарапав колено. Все произошло так молниеносно, что осознание падения пришло уже на земле. Бидончик был пуст.

– Не убили, Кохтур? – осматривала моё колено мать, – Бог с ним, с молоком.

– Да я снова схожу, там его ещё много!

– Ну, иди! – снова дала мне деньги мать.

– Под ноги смотри! – кричала она мне вслед...

Когда я учился во втором классе, мать как-то, открыв мой дневник, обнаружила, что я не записал домашнее задание. – И что ты сейчас будешь выполнять? Почему не записал? Вот иди теперь узнавай, где хочешь.

– Я сейчас к Оленю сбегаяю, – обрадовался я.

– Иди, Кохтур! Почему у Славика Олейника все записано, а у тебя нет? Чем ты там занимаешься на уроках?

Я быстро оделся и пошел к Оленю. Путь к нему лежал мимо котельной. Тут я увидел суматоху. Пацаны притащили с ФИПа (фабрика инертной пыли) куски парафина. Тут были Вовка Черныш и братья Петруки, тут же был и Олень и еще кто-то. Они прислоняли куски парафина к тлеющей золе, – парафин вспыхивал, начинал таять и капать большими горящими каплями. Несмотря на дневное время, уже были сумерки и горящие в темноте капли вызывали неопиcуемый восторг. Я тоже взял кусок парафина, и у меня получилось то же самое. Подняв кусок повыше, я любовался этой необычной иллюминацией. И когда огонь охватил весь кусок парафина полностью, я отбросил его в сторону и тут заметил, что большая капля парафина упала на полу моего пальто.

– Эх! – вспомнил я, что случайно надел не то пальто, когда наспех собирался к Оленю. Это пальто было новым, в котором я не гулял, а только ходил в школу. Я пытался стереть пятно, но оно не счищалось, а еще хуже размазалось.

Когда все куски парафина сгорели, мы пошли к Оленю за заданием, а потом я пошёл домой.

– Ты куда подевался? – ругалась мать, – Тут за 10 минут можно сбегать, а он ушёл с концами.

Когда же она увидела пальто с пятном...

Потом, каждое утро, провожая меня в школу, мать, глядя на невыводимое пятно, говорила одно и то же: «Тебе ничего нельзя покупать, Кохтуру, вон, что с новым пальто сотворил, я тебе его на два года купила, – вот и ходи теперь с пятном, раз не берёг»...

Уже позже и став старше, как-то летом мы с пацанами пошли воровать рыбу. Андрюха Романов, наш друг, с которым мы ходили в детсад и школу волею судьбы оказался воспитанником Сусуманского интерната (у него погибли родители). Каждое лето мы ждали Андрюху. Он приезжал на каникулы к дедушке и бабушке и разнообразил нашу жизнь. Интернат научил его видеть то, что мы не замечали. Поселковые рыбаки съездили на рыбалку. Вон теперь рыба висит сушится около некоторых домов. Один домик стоял на окраине посёлка, рыба висела прямо над окнами, в которые в любую минуту мог выглянуть хозяин. Поэтому мы ползли к дому, скрываясь в траве и кустах. Потом, когда сняли с проволоки по паре хариусов побежали от домика прочь. Уже в перелеске я запнулся о торчащий из земли металлический ржавый штырь. Почувствовав резкую боль в лодыжке, я продолжал ковылять подальше от злостной рыбы. Потом, осмотрев ногу, я обнаружил дыру в кеде и окровавленный носок. Оказалось, что я не просто запнулся, – а пропорол штырём ногу... Придя домой меня уже стало знобить – от глубокой раны поднималась температура. Вызвали фельдшера Надежду Морозову – благо амбулатория располагалась в соседнем доме. Мне промыли рану гипертоническим раствором, сделали укол от столбняка...

Утром, прыгая на одной ноге, я появился на кухне. – Ну что Кохтур, догулялся, – сказала мне мать – теперь хоть опнёшься, дома посидишь, книжки считаешь, а то совсем разболтался...

Это странное слово навсегда осталось в моей памяти. Оно применялось матерью тогда, когда я возвращался домой с полными валенками снега, с обмороженным носом, щеками или ушами...

– Это что за Кохтур? Он почему себя не жалеет? – говорила мать, – Опять себя разукрасил – иди вон помажь нос маслом!

Много времени прошло с тех пор. В воспоминаниях остались Кольма и друзья, и матери уже нет, но у меня, когда что-то не получилось или делалось не так как хотелось – сразу на язык приходило это неизвестно откуда взявшееся слово...

Офицерский ремень

Много ли вещей у нас осталось с детства? У меня практически ничего. Ведь детство прошло на Колыме, где оказались родители, после окончания Читинских учебных заведений и распределения на Крайний Север. Проживание на Колыме было временным. Приехали на год-два, потом уезжали в отпуск и вновь возвращались – так в условиях временности и прошло 20 лет. Когда в посёлок приезжали новые жители – им вместе с жильем доставалась какая-то мебель, от прежних, недавно выехавших на «материк», колымчан. Материком называли всю территорию Советского Союза, Колыма же считалась отдельным архипелагом. Когда родители выезжали с Севера – взяли самое необходимое: какие-то носимые вещи, документы. Из этих вещей и остался у меня только офицерский ремень, вернее одна пряжка, которая уже несколько раз меняла своего кожаного попутчика.

У нас, детей 60—х, была какая-то тяга ко всему военному. Война закончилась не так давно. Еще молодыми были участники боевых действий, которые рассказывали о войне, о войне выходили фильмы, мы смотрели их по нескольку раз. И все наши игры были связаны с войной то «в Чапаева», то «в наших и немцев».

Детскими игрушками в детсаду у нас служили поделки заключенных – кубики и пирамидки, машинки и куклы. Лагерь заключенных располагался в соседнем посёлке. В нашем же посёлке лагерь был закрыт в 1955 году после хрущевской амнистии. Детский сад, начальная школа, магазин и столовая располагались в бывших лагерных бараках. Вокруг посёлка ещё оставались мотки колючей проволоки и лежали поваленные вышки лагерного пункта.

Для игры в войну нам нужны были пистолеты. Поэтому мы, пяти-семилетние дети выходили на нашу знаменитую Колымскую трассу, по которой возили заключённых на работу и, увидев колонну из двух-трех или четырёх машин, кричали: «Заключённые киньте пистолет!» И они бросали нам деревянные пистолетики, а иногда и автоматики, сделанные во время перекуров на стройках народного хозяйства.

Чуть старше, в классах третьем-четвёртом, нас уже привлекали настоящие военные фуражки и пилотки. Если фуражку можно было добыть только во время поездки на материк, то старенькую пилотку можно было выклянчить у солдат, охраняющих зэков. Солдаты часто заезжали в наш посёлок в магазин или столовую.

А уже в пятых-шестых классах начиналась мода на военные ремни. Каждый, уважающий себя пацан просто обязан был иметь солдатский ремень со звездой на бляхе. Всё самое сокровенное и лучшее не шло в сравнение с солдатским ремнём. В обмен уходило всё: значки, марки, открытки с любимыми актерами и даже интересные книги.

А вот более высоким становился твой статус, если ты стал обладателем морского ремня. Такие ремни встречались очень редко, их в поселке можно было пересчитать по пальцам. Чтобы его заполучить, можно было отдать два, а то и три солдатских ремня, да ещё и кучу армейских значков.

Друзей в маленьком поселке у меня было много – точнее практически все, с кем я учился и раньше ходил в детский сад. Мы жили одной немногочисленной, но дружной семьей. Но самым близким другом в пятом-шестом классах у меня оказался Серёга Загоранский. В это время мы были с ним неразлучны. Наверное, потому, что у наших родителей совпадал режим рабочего времени, и мы одновременно оказывались бесконтрольными после школы и до тёмного времени суток. А ещё у наших родителей дома были установлены телефоны, и нам легко было сорганизоваться, чтобы вместе куда-нибудь двинуть, невзирая на погодные условия. Зимой погода была практически каждый день в пределах минус пятидесяти градусов, а то и ниже.

Серёга был великим изобретателем. Ему в голову постоянно приходили какие-либо идеи, которые он непременно воплощал в жизнь, его ничто не могло остановить. С ним зимой мы строили из снежного наста крепости, где потом, разведя костерок, проводили свое свободное время. Летом строили плоты и плавали на них по озеру – котловану, оставшемуся от добычи глины для кирпичного завода. По Серёгиному проекту мы из труб выгибали салазки, потом на них катались с терриконов, оставшихся от когда-то действующей шахты.

– Ты видел у Шушпанникова офицерский ремень? – как-то спросил меня Серёга. Витька Шушпанников был старше нас лет на шесть-семь, уже собирался в армию. Он был любимцем публики (в полном смысле слова) – пел на сцене местной художественной самодеятельности.

Конечно, видел я ремень. Где такой возьмешь? У наших пацанов ни у кого таких нету.

– Я знаю, где можно взять такой ремень! – сказал Серёга, – К нам в столовую приезжают обедать водители с трассы. И бывает, что у них одеты ремни на спецовку, бывают даже офицерские. Можно с ними поменяться – им какая разница, какой ремень – солдатский или офицерский носить на робе.

Серёга в столовой был завсегдатаем. Его мать была заведующей этой столовой, и он всегда там обедал. И я часто ходил с ним, составив компанию. Идею Серёги я воспринял скептически. У меня бы и смелости не хватило подойти к взрослому человеку с каким-то обменом.

Но Серёга строил планы: «Нужно просто все время носить ремень и точно, когда-нибудь можно будет поменяться».

Я даже предположить себе не мог, что его план может воплотиться так быстро. В один из дней, мы уже поели и собрались выходить из столовой, как вдруг в неё ввалило человек пять шоферов. Тут Серёга толкнул меня и показал взглядом на пожилого мужчину в ватных штанах и унтах. Штаны его держались не только на подтяжках, но и были опоясаны потрёпанным офицерским ремнём.

– Эх! – сказал Серёга, – я ремень не надел сегодня.

– У тебя есть ремень? – спросил он меня.

На мне был надет новенький морской ремень, который я совсем недавно выменял у своих пацанов с большим трудом.

– Давай твой поменяем! – предложил Серёга.

Я тоже понимал, что такого шанса больше не будет. Но морской ремень было жалко. Лучше бы солдатский поменять. Мы стояли и ждали, когда водители пообедают. Когда они пошли к выходу, Серёга, видя состояние моей внутренней борьбы, сказал: «Давай я поменяю, пока мужик не ушёл!». Я быстро отдал ремень ему.

– Дяденька, давайте поменяемся?! – подошел Серёга в мужчине. Тот удивился, что мы предлагаем такой красивый ремень за какую-то рухлядь. Он, так и сказал, как рассчитывал Серёга: «Мне разницы нет, какой ремень». Когда же он стал надевать мой ремень, он вдруг не стал сходиться на его грузном торсе, одетом в ватные штаны. Но видя наши печальные лица, сказал: «Да ладно, отвезу сыну, пусть пацан обрадуется!»

Из столовой мы шли счастливыми. У нас свой офицерский ремень. Пусть даже старый, но только больше ни у кого такого нет (кроме, естественно, Шушпанникова).

– Ничего, я тоже себе такой выменяю! – говорил Серёга.

Но после этого, как назло, в столовую больше никто не приезжал в офицерском ремне.

Летом, после окончания шестого класса, родители Серёги решили выезжать с Севера. В Днепропетровске им построили кооперативную квартиру. Грустно мне было прощаться с другом. Мы понимали, что вряд ли придется встретиться. Он уезжал на Украину, у меня родители из Забайкалья, и мы, понятно, что выедем туда, и дороги наши вряд ли пересекутся.

Но встреча всё-таки состоялась, через 17 лет. Как-то раз судьба привела нас с женой на Азовское море в Бердянск. Жили в профилактории, а столовая была общая на несколько профилакториев. И вдруг в столовой я обратил внимание на семейную пару, точнее на лысова-

того крепкого мужчину, с характерно выступающей вперёд челюстью. «А ведь Серёга Загоранский мог стать таким? – подумал я, – Да и Бердянск недалеко от Днепропетровска». Я быстро поел и вышел на крыльцо. Через некоторое время мужчина вышел и поравнялся со мной.

– Загоранский?! – окликнул я его.

Он обернулся. Да, это был он, Серёга, металлург из Днепропетровска. Оставшийся наш отдых прошёл в воспоминаниях о детстве, о Колыме, о друзьях. Я обещал Серёге, что обязательно в другой раз заеду в Днепропетровск. Сам же думал привезти ему в подарок новый офицерский ремень – благо у меня их теперь несколько, ведь я служу в милиции...

Но этому не суждено было сбыться. Уже в «Одноклассниках» мне сообщили, что Серёга попал под машину, сильно покалечился и вскоре умер от сердечного приступа.

Сегодня о Серёге, о колымском детстве мне напоминает та самая пряжка ремня, которая была со мной в институте, приделанная к модному широкому ремню с блестящими клепками. Потом эту пряжку я ставил на офицерский ремень, служа в милиции. И сегодня на джинсах я ношу ремень с именно той самой пряжкой, которая прошла все испытания в моей жизни. И вот уже 48 лет, застегивая ремень, я словно возвращаюсь в свой маленький посёлок холодной, но такой тёплой Колымы, вижу своих друзей, слышу Серёгины слова: «Дяденька, давайте поменяемся»...

Пятая точка

Однажды зимой мы с Серёгой и другими пацанами обнаружили около наших домов брошенный сарай. Прежние хозяева видимо выехали с поселка и сарай временно стал ничьим. В этом сарае мы нашли большие самодельные санки, сваренные из железных, уже поржавевших прутьев. Днища у санок не было – деревянная их часть не сохранилась. Для кого делались эти массивные санки? В каком году? Наверное, ещё для детей лагерной администрации постарался какой-то умелец из заключенных?

Санки были очень тяжёлыми.

– Вот бы с террикона на них съехать! – сразу предложил Серёга.

Тащить их к терриконам далеко, да и холодно. Но Серёга начал нас убеждать, – что это будет здорово прокатиться на этих санях с такой высоты. Пришлось искать проволоку, чтобы как-то докатить санки к терриконам, находящимся в отдалении от посёлка. Ещё труднее было затащить их на вершину.

– Кто первый поедет? – Никто не решался.

– Ладно, я сам поеду! – сказал Серёга.

Он подложил на санки фанерку, сел и поехал вниз. Санки покатались, на удивление, быстро. Но пару раз подпрыгнув на неровностях, из-под Серёги вылетела фанерка. Как ему удавалось держаться на санках – мы не успели даже заметить в снежном вихре. Съехав с террикона, он ещё долго мчался по льду замерзшего озера. Когда санки остановились – Серёга продолжал сидеть неподвижно. Мы стояли наверху и кричали ему, но он не отзывался. Не вытерпев, мы побежали вниз. Серёга сидел в санках и плакал – он отбил себе пятую точку, но санки не бросил и доехал до конца...

А ещё Серёга очень хорошо рисовал. Как-то раз отец привёз ему из командировки большую пачку карандашей. Мы никогда не видели раньше такой пачки. Карандашей было штук пятьдесят, каждого цвета по несколько, – то есть практически вся гамма цветов.

Серёга, в отсутствии родителей, сразу взялся рисовать пятирублевку. Рисовал он её, наложив на стекло, и раскрасив, получил почти полную копию настоящей. Потом он заменил копией настоящую пятирублевку в материнном кошельке.

У его матери было плохое зрение, и ничего не заметив, она стала расплачиваться этой пятеркой в местном магазине. Продавец, взяв пятерку в руки, сразу определила подделку, а мать, сразу догадалась, кто эту подделку создал.

Били Серёгу шлангом от стиральной машинки и снова по пятой точке. После этого интерес к рисованию у него пропал...

Библия

Со Славиком Олейником я дружил с раннего детства. Он, Витас Саболенис, Серёга Загоранский были моими самыми близкими друзьями с детского сада.

Мне нравилось ходить к Славику в гости. Они жили неподалёку от «нарядной» и котельной, в домике, который его отец построил сам, после освобождения из лагеря.

Мать Славика, тётя Аня, была одесситкой, здесь же, в посёлке жили ее две сестры – т. Паша Кислая и т. Катя Николяк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.